

Книга известного итальянского слависта, профессора университета г. Падуи Розанны Бенаккьо посвящена давней проблеме русской аспектологии: какой вид следует употреблять в императиве – совершенный или несовершенный. Говоря о вопросах вида, большинство авторов не могли обойти проблему выбора вида в императиве, но не могли и ее решить. В самом деле, уже такой пары примеров, как *Садитесь, пожалуйста* и *Встаньте, пожалуйста*, достаточно, чтобы поставить исследователя в тупик. Часто выбор вида связывался со степенью вежливости побуждения, но это не решало проблему: на с. 14–15 и с. 66–68 книги Р. Бенаккьо приводятся характерные примеры прямо противоположных высказываний различных авторов: одни утверждают, что более вежливы императивы в НСВ, другие – что в СВ. Та же проблема существует для некоторых других славянских языков, но не для всех – см. об этом ниже.

Важным этапом в решении этой загадки стала работа Е.В. Падучевой [Падучева 1992] (перепечатанная в сборнике [Падучева 1996]), в которой были выделены компоненты значения НСВ в императиве, в частности компонент обусловленности действия контекстом или ситуацией: *Садитесь!* говорят в ситуации, когда это сказать естественно (например, гостю); напротив, *Встаньте (пожалуйста)!* – в ситуации, когда сидящий человек вставать не собирался (о чем упоминали и раньше, ср. [Рассудова 1982: 131–132]). Обусловленность действия ситуацией – не то же самое, что вежливость или невежливость, однако первым можно попытаться объяснить второе: употребление НСВ там, где ожидается СВ, делает высказывание невежливым, поскольку представляет ситуацию так, будто адресат обязан

выполнить действие (например, *Садитесь!* человеку, который стоит в автобусе около свободного сиденья). Обратная замена НСВ на СВ – приводит, как кажется, не к невежливости, а скорее к неграмматичности, во всяком случае к «странности», высказывания (*Сядьте* в ситуации, когда человеку уступают место).

Признавая важность компонента обусловленности действия контекстом, а также других признаков НСВ, выделенных Е.В. Падучевой («внимание на начальной фазе действия» и «побуждение приступить к действию немедленно»), Р. Бенаккьо делает акцент на классе высказываний (как нам кажется, относительно небольшом, что, разумеется, не означает, что он неважен), где все же возможны оба вида, ср. такие примеры, как *Дайте / Дайте мне чемодан, он тяжелый* или *Сегодня на улице холодно, оденьтесь / одевайтесь теплее* и др.

Изложение построено по следующей схеме. Книга разделена на три части: в первой обсуждается русский императив, во второй – императив в других славянских языках, в третьей – императив в новогреческом языке, привлеченном для сравнения со славянскими. В каждой части вначале рассматриваются «первичные видовые значения» в императиве, а именно «фокус на конечном моменте действия» для СВ и многократность, «фокус на срединной фазе действия» и «фокус на начальном моменте действия» для НСВ; а потом – «вторичные видовые значения», связанные в основном с выражением вежливости. Для всех языков используется один и тот же набор из примерно пятидесяти примеров, которые оценивались информантами на предмет грамматической и прагматической приемлемости и относительной вежливости. Все эти примеры представляют собой конструкции с вежливым *вы* (и ее аналог в польском языке –

niech pan...). При необходимости проверяются на предмет употребления видов аналоги со 2-м лицом единственного числа и со 2-м лицом множественного, обращенным ко многим собеседникам. Другие лица императива, если не считать упомянутой польской конструкции, не затрагиваются.

Что касается первичных видовых значений, то для СВ это «фокус на конечном моменте действия». «Фазовая» терминология здесь, как и ниже, не кажется нам удачной: здесь лучше было бы говорить, как это часто и делается в аспектологии, о «фокусе на результате», поскольку повеление, естественно, состоит не в том, чтобы действие было просто окончено, а в том, чтобы его результат был достигнут. Это такие обычные примеры, как *Напишите письмо* (не **Пишите*), *Сделайте эту работу к пяти часам* (не **Делайте*) и т.д. Все славянские языки ведут себя в этом отношении одинаково, НСВ нигде в таких контекстах не допускается.

У НСВ значения, как мы видели, более разнообразны. Прежде всего это, разумеется, многократность и узуальность: *Пишите нам что-нибудь каждый день*, *Почаще открывайте окно* и т.д. В русском языке тут безусловно господствует НСВ.

Далее, в порядке перечисления в книге, идет «фокус на срединной фазе действия». У этого значения выделяются два подтипа.

Во-первых, это «продолжение осуществления действия», т.е. ситуация, когда действие уже совершается в момент высказывания и говорящий предлагает продолжить его: *Курите-курите, вы мне не мешаете*. Это хорошо известный подтип императива (см. [Бирюлин, Храковский 1992: 13-14; Бирюлин 1994: 45-47] и другие работы), и в самых разных языках для него характерны имперфективные формы.

Во-вторых, это «характеристика осуществления действия», когда повеление относится не к действию как таковому, а к способу его осуществления, например *Открывайте дверь медленно: она скрипит, и дети могут проснуться*. Открывание двери здесь осуществляется и без просьбы говорящего, в сферу действия повеления входит только то, как ее нужно открывать.

Опять же, формулировка «фокус на срединной фазе действия» в применении ко второму подтипу не кажется нам удачной: имеется в виду все действие целиком. (Ср. особенно другой пример из книги: *Входите осторожно, пол скользкий; вряд ли можно войти не до конца*.) Скорее акцент здесь просто на самом действии, а не на его результате, в отличие от СВ: говорящему неважно, откроет адресат дверь или нет, ему важно, чтобы дверь при этом не скрипнула (ср. другой пример: *Медленно откройте дверь*). Отметим, что в русском языке есть и

более «чистый» тип употребления НСВ для побуждения к действию как таковому, а не к достижению результата, ср. хотя бы известное: *Ничего, что вы чужие, вы рисуйте. Я потом, что непонятно, объясню*. Кажется, что такие высказывания и являются самыми простыми примерами «фокуса на срединной фазе», а точнее – просто фокуса на самом действии, а не на его результате.

Третье «первичное значение» НСВ – это «фокус на начальном моменте действия». Имеются в виду такие примеры, как *Включайте телевизор! Уже семь часов. Фильм начинается* в отличие от *Включите телевизор!* Здесь «фазовая» терминология, на наш взгляд, уже не просто неудачна, а способна ввести в заблуждение. Во *Включайте телевизор*, несомненно, имеется в виду, что адресат должен включить телевизор, а не просто, скажем, потянуться за пультом. То же можно сказать и о *Хватит проветривать! Закрывайте окно*. Суть здесь, на наш взгляд, именно в том, что действие известно из предыдущего контекста или ситуации, и автор прямо говорит об этом (с. 29-30), но почему-то предпочитает называть это употребление «фокусом на начальном моменте».

Симметрия «фокус на конечном моменте действия – на срединном – на начальном», конечно, красивая, но явно ложная. Скорее следует говорить об оппозиции фокуса на результате (СВ) фокусу на самом действии (НСВ «характеристики осуществления действия»), а также о других значениях НСВ: многократности, продолжения действия, обусловленного действия.

Итак, «первичные значения» СВ и НСВ, как мы видели, вообще не соотносятся с вежливостью повелительного высказывания. Далее Р. Бенакьо рассматривает «вторичные видовые значения», и вот они полностью оказываются связанными с такими понятиями, как вежливость и дистанция между собеседниками. Говоря о вежливости, автор опирается на классическую теорию П. Браун и С. Левинсона о негативной и позитивной вежливости [Brown, Levinson 1987] и на шкалу «выгоды – затрат» Дж. Лича [Leech 1983]. Негативная вежливость – это способ соблюсти дистанцию, не вторгаться в личное пространство собеседника; позитивная же вежливость – это, напротив, сокращение дистанции за счет выражения участия к собеседнику, установления более близкого контакта. Под «выгодой» понимается полезность (в широком смысле) действия для исполнителя.

Как показано в работе, в случае конкуренции видов (т.е. грамматической допустимости обеих видовых форм) в русском языке СВ кодирует негативную вежливость, иначе говоря,

сохраняет дистанцию между говорящим и слушающим. НСВ, наоборот, эту дистанцию сокращает, и из этого могут вытекать различные последствия для уровня вежливости высказывания. Если действие, выраженное императивом, «выгодно» для адресата, то НСВ даже не то что более вежлив, а, скорее, более ласков, более «интимен», ср. такие примеры, как *Сегодня холодно. Одевайтесь* (vs. *Оденьтесь*) *теплее* или *Давайте* (vs. *Дайте*) *мне чемодан, он тяжелый*. Если же действие «невыгодно», то употребление НСВ ведет к излишней фамильярности и от нее к грубости, ср. *Показывайте* (vs. *Покажите*) *документы* в устах представителя власти. Интересны с этой точки зрения разрешения: в разрешениях действие заведомо выгодно для исполнителя (раз он сам о нем просит), и СВ выражает нейтральное, вежливое, но отстраненное разрешение (*Можно открыть окно? Откройте*). НСВ же может иметь оттенок как грубого безразличия (*Открывайте*), так и поощрения, участия по отношению к адресату, особенно в сочетании с формулами вежливости или словами типа *конечно* (*Открывайте, конечно*).

Позитивная вежливость НСВ подтверждается и тем, что именно НСВ употребляется в этикетных формулах вежливости: приглашения и угощения (*Приезжайте к нам еще!, Наливайте чай!*) и пожелания (*Выздоровливайте!*).

Этот анализ интересен и в самом деле объясняет большой класс примеров, подобных приведенным выше. В то же время кажется, что не следует пренебрегать обусловленностью действия контекстом, о которой говорилось ранее. Сравним пару примеров: *Покажите / Показывайте документы* и *Сядьте / Садитесь* в адрес человека, стоящего в переполненном транспорте около свободного места. В первом случае НСВ вызывает ощущение грубости или в лучшем случае излишней фамильярности. Во втором случае *Садитесь* также вызывает протест, однако не грубостью, а тем, что ощущается как ограничение свободы из-за того, что действие, в выборе которого человек свободен, представляется как обязательное.

Во второй части книги те же самые примеры анализируются на материале прочих славянских языков. Для удобства примеры сохраняют свои номера, так что каждый номер встречается в книге 13 раз, по числу языков (за исключением немногочисленных случаев, когда какой-либо пример было невозможно перевести на тот или иной язык). Оказывается, что украинский и белорусский языки в том, что касается употребления видов в императиве, полностью тождественны русскому. В южно- и западнославянских языках наблюдается экспансия СВ, достигающая свое-

го максимума, по-видимому, в словенском и лужицких (Р. Бенаккьо предполагает, что этим они обязаны влиянию «безвидового» немецкого языка). В целом славянские языки удобно представляются в виде круга: от восточнославянских языков через болгарский и македонский к сербохорватскому, словенскому, чешскому, словацкому, верхне- и нижнелужицкому, польскому и обратно к русскому. (В этой последовательности и приводятся примеры, см. схему на с. 186.) Языки, ближайšie на этом круге к восточнославянским, т. е. болгарский и польский, обнаруживают больше всего сходств с русским; иными словами, в них экспансия СВ присутствует в наименьшей степени. Вероятно, это следует объяснять историческими связями и влиянием на них русского языка. Из других языков словацкий в отдельных случаях демонстрирует некоторое сходство с восточнославянским употреблением.

В целом ситуация в южно- и западнославянских языках следующая. Русскому СВ в императиве неизменно соответствует СВ. НСВ же употребляется гораздо реже. Даже для выражения многократности в ряде случаев употребляется СВ; то же касается употребления типа «характеристики действия» и того, что в данной работе называется «акцентом на начальном моменте». Гораздо слабее позиции НСВ и в разрешениях, и в этикетных формулах. НСВ твердо закреплен лишь за ситуацией продолжения начатого действия - как уже было сказано, это очень характерно и типологически.

В том, что касается вежливости, употребление НСВ за пределами восточнославянской области (и частично болгарского и польского языков) характеризуется как невежливое, излишне фамильярное, иногда и просто невозможное в литературной речи.

Третья часть исследования посвящена употреблению видов в императиве в новогреческом языке, который интересен тем, что, не являясь славянским, также имеет грамматическое противопоставление видов. Оказывается, что новогреческий на удивление полно повторяет южно- и западнославянскую модель. НСВ употребляется здесь только в случае несомненно длительных или дистрибутивных действий, а также для побуждения к продолжению начатого действия.

Понятно, что греческий язык представляет благодатную почву для диахронических штудий. Третья часть завершается очень интересным историческим экскурсом, в котором показывается, что в древнегреческом языке употребление видов в императиве было ближе, чем сейчас, к восточнославянскому типу: НСВ употреблялся для акцента на действии («воду в сосуде грейте; бинты и восковую мазь готовь-

те») или для выражения действия, вытекающего из контекста («вот он и идет, открывая дверь»). Как мы видели, в западно- и южнославянских языках такие употребления практически исключены, а в русском, украинском и белорусском вполне естественны.

В целом ситуация с относительной вежливостью видовых форм в императиве представлена в двух таблицах на с. 186. При конкуренции СВ и НСВ вторая форма всегда более фамильярна. В восточнославянских языках эта фамильярность оценивается положительно (форма считается более вежливой), если действие выгодно для исполнителя, и отрицательно (считается менее вежливой) – если действие исполнителю невыгодно. В южно- и западнославянских языках, за некоторыми исключениями в польском и болгарском, фамильярность всегда оценивается отрицательно, и, соответственно, НСВ в императиве либо невежлив, либо вовсе невозможен.

Разумеется, трудно удержаться здесь от упоминания хорошо известной большей «контактности» русской культуры по сравнению с западноевропейской, и Р. Бенаккьо говорит об этом. Отметим, выходя за пределы аспектологии, что и сами по себе формы императива во многих западноевропейских языках (а также многих других) избегаются или сопровождаются смягчающими частицами (см., например, [Fortuin 2000: 96] о нидерландском языке в сопоставлении с русским). В пользу этого предположения говорят, по-видимому, и исторические данные греческого языка, а также сохранившиеся в южно- и западнославянских диалектах следы употребления НСВ восточнославянского типа.

Рецензируемая работа, как мы видели, решает старую проблему аспектологии, выходя за пределы собственно аспектологической те-

матики, привлекая прагматику и, в частности, принципы речевого общения, и далее переходит от узко лингвистических проблем к вопросам различия культур и их исторических изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюлин 1994 *Л.А. Бирюлин*. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994. (Slavica Helsingiensia 13.)
- Бирюлин, Храковский 1992 – *Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский*. Повелительные предложения: проблемы теории // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Падучева 1992 *Е.В. Падучева*. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Падучева 1996 *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Рассудова 1982 *О.П. Рассудова*. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
- Brown, Levinson 1987 *P. Brown, S.C. Levinson*. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Fortuin 2000 *E.L.J. Fortuin*. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-infinitive construction in Russian. Amsterdam, 2000.
- Leech 1983 – *G.N. Leech*. Principles of pragmatics. London; New York, 1983.

В.Ю. Гусев

Сведения об авторе:

Валентин Юрьевич Гусев
Институт языкознания РАН